

ПРОКОФИЙ ВОЗНИЦЫН

Издавна на Руси бытовало присловье о болховитянах, будто они обыкновенного речного рака встречали торжественным колокольным звоном и приговаривали: "Вот воевода к нам ползет, щетинку в зубах несет".

Интересно, что в чем-то схожая ироническая история о встрече воеводы существовала и о земляках болховитян ливенцах. О тех говорили, будто они саламатой (кашей) мост обломили. А дело было так: прослышав про приезд нового воеводы, жители города наварили саламаты по горшку со двора и понесли скопом в подарок. Тут хлипкий мост и обломился...

Вспомним еще "Историю одного города" М.Е.Салтыкова-Щедрина с летописью города Глупова... Уж сколько написано и рассказано о воеводах-самодурах и безропотных поселянах! Но всегда ли так было? В чередке болховских градоначальников был один, но, может быть, совсем не единственный, человек, который явно выбивается из общего безликого ряда.

Фигура Прокофия Богдановича Возницына мало известна в орловской истории, хотя он вполне мог бы претендовать на заметное в ней место. Он был одним из самых видных русских дипломатов Петровской поры. И судьбе было угодно распорядиться так, что дипломат стал болховским наместником...

Прокофий Возницын был сыном владимирского дворянина, с юных лет служил на дипломатическом поприще. Ему довелось познавать азы своего хитроумного дела еще под началом возглавлявшего Посольский приказ Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина, знаменитого псковича, дерзкого любителя новаций, мечтавшего о повсеместном городском самоуправлении и развитии внешней торговли. Посольский приказ, надо признать, не имел

особого веса в то время. И, может быть, именно поэтому Ордин-Нащокин замышлял сделать свое ведомство "оком всей великой России". Но русского Ришелье из Афанасия Лаврентьевича не получилось и он, по довольно распространенной традиции тех лет, постригся в монахи и ушел в монастырь.

А молодой, но уже знающий свое дело Возницын, будучи подьячим, отправлен был в 1668 году в Вену и Венецию с иноземцем Томасом Келдерманом. Через тринадцать лет он получил официальную должность посла и, соответственно, стал во главе русского посольства в Турции. Посольство, добравшись в августе 1681 года на лошадях из Москвы в Воронеж, дальше поплыло до далекого турецкого берега на донских речных стругах, будто предвосхищая через дымку грядущих лет рождение в этих степях русского военного флота!

Был Возницын и посланником в Варшаве. Множество раз он присутствовал на важнейших встречах в европейских столицах, вел переговоры с монархами. Вся его государственная служба была связана с постоянными поездками за границу - особенно часто в Варшаву. Именно Возницын привез в свое время прошение Подольского воеводства о принятии его в российское подданство.

Добропорядочный христианин Возницын сделал великое дело и для Русской православной церкви. Он добился того, чтобы патриарху Никону посмертно был возвращен патриарший сан сразу пятью восточными патриархами (антиохийских патриархов оказалось почему-то двое, и Возницын получил грамоты от обоих). Отчитывался об этом посол, упоминая о себе лишь в третьем лице: "учинил он то неусыпным свои промыслом и радением, без великих дач, а велено было от того дать и многую дачу". Любопытно, что Возницын представил в Москву даже смету этих "щепетильных" расходов, она

опубликована в книге Н.Ф.Каптерева "Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович", вышедшей в начале нашего века в Сергиеве-Посаде. А все перипетии своей дипломатической миссии Возницын подробно описал в "Статейном списке" - своеобразном литературном памятнике того времени.

Возницын заслужил подобающий его успехам авторитет, фактически он имел ранг министра, в Европе отмечали его незаурядные дипломатические способности. Но жизнь переменчива. Прокофий Возницын попал в явную опалу, когда во главе Посольского приказа вместо Голицына - любимца царевны Софьи - стал бывший подчиненный Возницына Емельян Иванович Украинцев. Какое-то время Возницын был вынужден служить в приказе Казанского дворца, а затем принял предложение быть болховским наместником (в другой формулировке - воеводой). В тот век должность воеводы знатные люди получали как бы в награду после другой, куда более трудной службы - например, после военной. И новое место они выбирали обычно на свой вкус. Болхов встречал воеводу колокольным звоном...

БОЛХОВ

"Град Болхов стоит на Нугре, на левой стороне на горах красовито; град деревянный, ветх уже... монастырь хорош... рядов много..." - это строки из описания Болхова начала века восемнадцатого. Примерно таким увидел его и наш герой.

Возницын стал наместником в исключительно важный для города период, по сути в переломный момент его истории. Действительно, град (старая крепость) уже ветшал за ненадобностью, как бы подчеркивая

исчезающее военное значение города. Зато росло административное и торговое значение этого центра. В Болхове было уже семь слобод: казачьих, пушкарских, стрелецких и ямских.

В ту пору Болхов мог записать в свой актив такой плюс, как выгодное расположение: через город проходила большая дорога из Москвы на Украину. По ней царем Алексеем Михайловичем был в 1672 году учрежден почтовый тракт. В Болхове действовала таможня, имелись таможенный двор, съезжая изба, водяная мельница и кабаки. Купеческое сословие насчитывало уже около четырех тысяч (!) человек.

Город, без сомнения, был на подъеме. Но были ли предпосылки его роста столь же значительны в сравнении с другими городами? Постоянный рост требовал открытия все новых и новых возможностей... В 1668 году (напомню: в год первого заграничного путешествия Возницына) в местном монастыре была заложена соборная церковь иждивением опять же царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны (она была родом из этих мест, в монастыре была похоронена ее сестра). Церковь строилась на протяжении тридцати восьми лет, и Прокофию Возницыну довелось увидеть, как возводился этот храм - своего рода дар царицы родному городу.

Неслучайно появившееся в те годы предложение об открытии в Болхове обширной епархии орловские исследователи старины связывали и связывают в первую очередь с именем Марии Ильиничны, а также ее сына царя Федора Алексеевича. Но в самом ли деле Болхов в конце XVII века был "особым городом"? Этот вопрос тем более важен, чтобы понять, являлось ли назначение сюда наместником Возницына каким-либо знаком особого внимания и расположения к опальному дипломату.

Итак, епархия в Болхове... Неискушенному исследователю может показаться, что кто-то искусственно стремился резко завысить статус среднерусского уездного центра. Однако, как показывает более внимательный экскурс в историю, явление это было тогда далеко не исключительным. Еще в сентябре 1681 года царь Федор Алексеевич предложил патриарху Иоакиму первый проект епархиальной реорганизации, предусматривавший создание 72 новых епархий.

Чем было продиктовано стремление учредить в Болхове и во множестве других городов центры новых епархий? Одной из главных причин была, конечно же, деятельность раскольников, тем более, что церковный собор 1666 - 1667 годов, предавший раскольников анафеме, напротив, значительно ускорил распространение раскола. Малочисленность епархий исключала возможность жесткого и пронизательного контроля над обширными территориями. К тому же правительство было заинтересовано в открытии новых епархий, чтобы ослабить экономическую и политическую силу церкви.

Естественно, эти планы многими были восприняты в штыки. По второму, значительно урезанному проекту число намечаемых епархий сократилось до 34. Хотя церковный собор согласился на открытие только 15 епархий, до конца века было учреждено всего четыре: Великоустюжская, Холмогорская, Воронежская и Тамбовская.

В итоге Болхов упустил, пожалуй, единственный для города шанс стать духовным центром обширной территории, включавшей Орел, Мценск, Новосиль, Карачев, Кромы. Одни орловские краеведы считают, что это произошло из-за смерти Федора Алексеевича (В.И.Воробьев), другие причиной несостоявшейся реорганизации называют нехватку средств (В.П.Еремин). Как видим, причины были много сложнее и глубже...

А значит, проиграл и лично Возницын, ибо время шло и он вряд ли чем мог проявить себя в провинции. И все же надо отметить, что звание наместника, пусть даже и небольшого города, было довольно почетным (например, в 1703 году действительный статский советник и посланник при Саксонском дворе Паткуль имел звание наместника козельского). Но положение наместника, особенно если он находился в своем городе, вряд ли можно было отнести к числу самых завидных.

Ему необходимо было решать не только массу уездных вопросов, но и, главное, неусыпно блюсти интересы государевы. Тем более, если город располагался на оживленной дороге. Например, зимой 1700 года Петр I приказал болховскому и калужскому воеводам срочно приготовить для проезда в Москву гетмана Мазепы по 350 подвод. В марте 1704 года болховскому воеводе Денису Юрасовскому поручалось заготовить к приезду государя всяческой рыбы. В особой грамоте, в частности, говорилось: "а буде поставишь указ наш себе в оплошку, быть тебе в великой опале, да на тебе же доправлена будет пеня знатная". В 1712 году калужский воевода Зыбин был и вовсе лишен места за то, что малороссийскому чиновнику Генваровскому не дал подвод и непристойно говорил о Скоропадском.

Пасть жертвой очередного нелепого случая, связанного с поставкой подвод или ловлей стерлядей, Возницын вряд ли хотел. Судьба и случай помогли ему избежать этой участи. Но, похоже, это была только отсрочка...

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО

До сих пор историки спорят об истинных целях Великого посольства, предпринятого Петром в конце XVII века. Вообще великое посольство - довольно редкое в дипломатии явление. Можно только предполагать, что целей у грандиозной затеи было несколько: увидеть загадочную Европу, найти образцы для политического и военного устройства России, побудить россиян путешествовать.

Почему именно Возницын был выбран Петром в качестве одного из трех послов? Конечно, в первую очередь сыграл роль непререкаемый авторитет Возницына-дипломата. Но не в последнюю и то, что Прокофий Богданович был горячим сторонником преобразований Петра. Да, современники характеризовали Возницына как человека старой закалки, сдержанного, осторожного. Но и он, по большому счету, был очарован гением Петра, его энергией, чувством новизны!

Чего стоит хотя бы такой случай. Когда Петр по примеру Европы решил распространить в России курение табака, он поручил трем своим послам подписать соглашение с английским поставщиком зелья маркизом Кармартемом (сам Петр "в чине урядника", естественно, сделать этого не мог). Но велики были и его опасения: не воспротивятся ли послы этой новации. Прежде, чем составлять договор и проект отмены российских законов (за курение в России полагалось тогда пытать и бить кнутом, а за повторное - вырвать ноздри и обрезать нос) Петр приказал послам осушить по три добрых кубка вина! После такой прелюдии даже консервативный Возницын одобрительно отнесся к нововведению, правда, подчеркивая то, что оно сулит казне изрядную прибыль...

Итак, в 1697 году Прокофий Богданович Возницын, будучи наместником Болхова, отправился за границу третьим послом. Первым послом был Франц

Яковлевич Лефорт в звании, кстати, наместника новгородского, вторым - наместник сибирский Федор Алексеевич Головин. На первых местах в карете сидели Лефорт и Головин, по левую руку Возницына - Петр, официально числившийся урядником Преображенского полка Петром Михайловым.

Великое посольство было одной из вершин карьеры Возницына, это был его триумф. Он путешествовал по Европе не один, добившись, чтобы царь разрешил ему взять с собой двух племянников. Эстляндия, Лифляндия, Курляндия, Кенигсберг, Гаага, Амстердам, Лейпциг, Дрезден, Прага, Вена...

Возницын блистал на многочисленных встречах своей эрудицией, умением вести переговоры с иностранцами, своим гибким умом. И блистал не только в переносном смысле. В Гааге, например, Прокофий Возницын получил золотую цепь с гербами Голландии весом в пять с половиной(!) фунтов.

Великое посольство прекратило свое существование совсем не так, как было задумано вначале. Петр был вынужден срочно уехать из Вены вместе с Лефортом и Головиным, получив известие о мятеже стрельцов. Возницын остался в звании посла для окончания переговоров о мире с Османской Портой. Предстояло вести изнурительную дипломатическую дуэль с турками на Карловицком конгрессе европейских держав.

Петр попутно поручил Возницыну достать штат австрийской армии, сведения о жалованье "от генералиссимуса до солдата в военное и мирное время, в походах и на квартирах". Поручил Петр также добыть описание всех венских аптек, привилегий их, доходов и жалованья, получаемого докторами и лекарями, а также список с Магдебургского права и с Права венских мещан. Нашего императора интересовал церемониал приема европейских послов, посланников и гонцов, перечень расходов на их содержание...

Петр думал о том, как принимать в Москве заморских дипломатов, а Возницын в это время вел сложную дипломатическую игру на Карловицком конгрессе. По воспоминаниям участвовавшего в работе конгресса венецианца Рудзини, Возницын был высоким, толстым человеком с важной осанкой. Он явился на конгресс в длинной одежде, подбитой серыми соболями, на груди у него нашли место шесть или семь золотых ожерелий, на шляпе сверкало бриллиантовое украшение, на руках - множество перстней. Но Возницын был щедр и по отношению к другим: всем участникам переговоров он подарил соболя шубы. А накануне праздника всех, и в том числе турок, поздравил с Рождеством Христовым.

Во время переговоров Возницын поставил ряд вопросов, которые были разрешены многие-многие годы спустя: положение православного населения в Турции, передача православной церкви святых мест в Палестине.

Переговоры шли трудно. Сказывалась, видимо, не самая выгодная позиция России, практически не имевшей союзников. Не случайно Возницын писал Петру об австрийцах и поляках:

"Первые беспрестанно сносятся с турками тайным образом, посредством послов английского и голландского, и откладывают конгресс для того, чтобы до оного постановить все на мире, а потом подписать только договор; неправду их свидетельствует и бездействие войск, между тем как турки и татары обращают большую часть силы своей против России. Нельзя надеяться и на поляков: они имеют в виду собственную пользу, возвращение Каменца, в чем цесарцы (австрийцы - А.К.) обнадежили их".

Наконец, Возницын прямо заявил, что в случае неудачи переговоров Россия вынуждена будет продолжить войну с Турцией. Привел он убийственный, неотразимый аргумент. Возницын прямо назвал аст-

рономическую сумму, в которую обошлось России строительство флота. А потом заявил присутствующим: "Если вы не хотите мира, то свои убытки Россия покроет только военными трофеями!"

И только тогда - в январе 1699 года - соглашение о перемирии было достигнуто. Возницын писал Петру: "Я сие покорно доношу и очень твоей государевой милости молю: помилуй грешного своего..., а лучше я сделать сего дела не умел". Великое дело было закончено, но вряд ли покой и уверенность обретались в душе у Возницына. Хотя он уже не раз оказывался в подобных лабиринтах дипломатии, судьба была снисходительной к нему. Например, в 1681 году в Константинополе турки не захотели внести в свою грамоту статью о том, что Заднепровье принадлежит России. Возницын потратил тогда массу энергии, чтобы переубедить турок. В отчаянии он бросил визирю: "Я принимаю эту грамоту поневоле и повезу ее к царскому величеству на произволение, не зная, будет ли она годна или нет".

Тогда грамота вполне устроила царя: Возницын привез мир, который был важнее потери безлюдной степи. Но это было восемнадцать лет назад. И царь был другой...

НА РОДИНЕ

Возницын, уже собираясь в обратный путь, просил донести Петру о необходимости отправить в Константинополь гонца Черным морем со знающими людьми, чтобы они могли описать этот путь и "положить берега на карту". Петр в точности выполнил пожелание Возницына, благодаря чему получил не только подробное описание стратегического маршрута, но и

несказанно удивил турок, не ожидавших русских военных кораблей в своих водах.

Правда, уже не Возницыну, а его недоброжелателю Емельяну Украинцеву Петр поручил отправиться в Константинополь для заключения мира. Именно Украинцева Петр снабдил подробнейшими инструкциями на предмет окончательных переговоров (они подробно описаны в 14-м томе "Истории России с древнейших времен" С.М.Соловьева). Возницын остался не у дел - казалось бы, на то имелась уважительная причина: посол был утомлен длительным пребыванием за границей. К тому же на конгрессе российские дипломаты жили в палатках - в дожди и стужу. А возвращаясь на родину, Возницын, в отличие от гордо плывшего на корабле Украинцева, три недели "ехал степью с великою бедою и страхом".

Возвращение на родину стало крахом в карьере Возницына. Украинцев по-своему преподнес государю итоги переговоров Возницына с турками. Его начали обвинять в том, что он якобы обещал туркам уступки со стороны Петра, которому нужен был мир в связи с войной со шведами. Возницына как будто бы и не покарали, даже оставили на службе, но в исторических источниках о нем уже больше не встречается никаких сведений.

Его традиционно верноподданические, немного вычурные выражения в письмах к Петру типа "помилуй грешного своего" оказались явно провидческими. Теперь в отчаянии Прокофий Возницын был вынужден молить царя: "Прошу твоей, Государь, милости: умилосердися, будь сирому и бедному милостивый в правде заступник, не дай от злоковарственного вымысла напрасно оклеветану быть и погибнуть. Я, убогий раб твой, Государев, доношу: при помощи Божией сделал все по твоему Государеву указу, безо всякого ущербления... Я сир и убог и помощника нет; только Бог помощник мой, на

него же уповаю, и по нем ты, Государь мой милостивый. Убогий сирота Пронка Возницын, премного челом бью..."

Величественный дипломат, министр Прокофий Возницын превратился в жалкого холопа Пронку. Но милости так и не последовало. Возницын умер в неизвестности, как убогий бродяга на обочине пыльной столбовой дороги, по которой Россия маршировала в европейскую цивилизацию. По роковому стечению обстоятельств, а, может быть, из-за какой-либо своей ошибки он разделил судьбу многих и многих, кто послужил просто расходным материалом в грандиозном деле реформ и преобразований Петра...

Спустя несколько лет после изгнания Возницына Петр побывал в Болхове вместе с юным наследником Алексеем. Вспомнил ли царь под сенью великолепных храмов о "великом посольстве", о своем соседе по карете в многодневном путешествии - о наместнике Болхова Прокофии Возницыне?